

Русская орфография как повод для политического ожесточения, как толчок к общественному возбуждению и способ проверки на верноподданность

Васильев К.Б., глав.ред. изд-ва «Авалонь»
avalon-edit@yandex.ru

Аннотация: Автор, филолог по образованию, вчитывается в статью И. А. Ильина «О русском правописании». Он считает, что при обсуждении языка на философском уровне не следует руководствоваться эмоциями, привлекать политику и впадать в квасной патриотизм. При изучении русского языка в школе нет необходимости усложнять предмет, вводить терминологию, понятия и определения, по поводу которых нет единого мнения у лингвистов.

Ключевые слова: русская орфография, И. А. Ильин, реформа орфографии 1918 года, аффиксы, морфема, буква ять, шибболет

1

Прочитав в своё время статью И. А. Ильина «О русском правописании», я сильно задумался. И даже впал в удручённое состояние: и по поводу заявлений указанного автора, *выдающегося русского мыслителя*, который не оправдал моих надежд на философский подход к обсуждаемой теме, и по поводу существующих взглядов на происхождение, развитие, употребление и значение языка. Мне показалось, что, в целом, в разноголосице рассуждений о сущности человеческой речи и особенно о роли русского языка одни просто повторяют заезженные строки И. А. Тургенева о его величии и могуществе, считая, что этой цитатой тема исчерпывается, и превосходство русского языка над остальными доказано, другие усложняют то, что на самом деле не так уж сложно, а в новейшее время филологи, педагоги и философы подхватывают и *муссируют* теории запутанные, перегруженные терминами, построенные на бездоказательных умозаключениях, считая их последним словом или даже переворотом в лингвистике. Вводятся в оборот и, что удручает сильнее всего, в школьную программу по русскому языку, понятия, которые не по уму не только среднему школьнику, но и среднему филологу, и лично мне кажется, что некоторые *учения*, например, о *морфеме* и *морфе*, являются придумкой какого-то кабинетного филолога-мыслителя, жаждущего сказать *новое слово* или совершить открытие в своей области; но открытия невозможны, ибо филология не астрономия, обнаруживающая с помощью технических средств новые планеты, галактики и чёрные дыры, она и не биология, которая, тоже вооружившись новейшей техникой, распознаёт микроорганизмы, невооружённым глазом невидимые; открыть что-либо новое в лингвистике не представляется возможным, вот и порождаются туманные теории с претензией на новизну, и по непонятной причине они довольно быстро внедряются в педагогическую

практику: если в моё школьное время *препарирование* слова ограничивалось выявлением корня, приставки, суффикса и окончания, сегодняшний школьник или студент зазубривает и повторяет на оценку то, что, я уверен, он отчасти или совсем не понимает, например, следующее определение:

«Морф (*от греч. morphē форма*) — минимальная значимая часть словоформы. Выделяются морфы корневые и аффиксальные. Морфы, принадлежащие к одной морфеме, называются её алломорфами».

Не берусь рассматривать всю историю вопроса, не столько трудного, сколько, повторяю, запутанного, ограничусь русским правописанием — каким оно виделось И. А. Ильину (1883-1954). Его статья — не пресная, яркая, живая, взволнованная — наводит на печальные размышления. Как я понимаю, часть современных *любителей русской словесности* приходит от неё в восторг, обнаружив весомую поддержку своим дилетантским разглагольствованиям об очередной (или перманентной) *трагедии* русского языка; статью с удовольствием и напором цитируют, на неё ссылаются, её выставляют в качестве хоруговви квасные патриоты всех оттенков, большинство из которых, я уверен, делают на письме орфографические ошибки, а если вернуть *старое* правописание, за что некоторые из них вслед за Ильиным и сегодня ратуют, они бы делали их ещё больше. Не знаю, когда и кем составлена аннотация к филологическим рассуждениям Ильина, но она тоже замечательна, ибо за ней проглядывает мышление *чересчур разгорячившихся патриотов*, как называл их Н. В. Гоголь:

«Написанная незадолго перед смертью, статья сохранит свою безусловную злободневную актуальность до тех пор, пока русское общество не вернётся к так называемой старой орфографии, то есть не вернётся к правописанию, отбросив кривописание советских лет».

Вернуться к более сложному правописанию с предписаниями, часть которых не поддаётся разумному объяснению, с преобладанием если не тупого, то *механического* зазубривания — это злободневно и актуально?

С точки зрения Ильина и его приверженцев, русское общество с 1918 года *криво* пишет. Сейчас 2017 год и, поскольку не было принято декрета о возврате к дореволюционной орфографии, которую Ильин считал *правописанием*, созвучным и соразмерным *православию*, нас с вами, как и наших отцов с дедами, всех поголовно, можно считать *кривописателями*. Ильин произнёс внушительно, веско, но бездоказательно: *дурное правописание родит дурное мышление*. Следовательно, мы не только криво пишем, но и криво мыслим: второе является следствием первого. При определённых условиях, в определённо сложившихся обстоятельствах, нас всех, пишущих с соблюдением нынешних правил, как бы не стали клеймить врагами *национальной России*. Ильин задаёт вопрос по поводу тех изменений, которые были внесены в орфографию в 1918 году: «Зачѣмъ всѣ эти искаженія? <...> Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творчествѣ?» Он же, Ильин, уверенно отвечает: «Все это нужно врагамъ національной Россіи. Им; именно имъ, и только имъ».

В подобных заявлениях я не вижу оскорбления или угрозы властям, не усматриваю обиды существующему государственному устройству, правлению или, если хотите, режиму; выслушав запальчивые заявления Ильина (или подобных ему деятельных борцов за русскую речь), я задумываюсь с беспокойством о судьбе простых

обывателей (к которым отношу и себя): они повседневно, не вдаваясь в политику (и, собственно, в орфографию и грамматику), составляют на работе многочисленные деловые бумаги, документы, доклады, отчёты, оформляют в разных конторах справки, выписки, доверенности, а люди с литературным призванием (как талантливые, так и графоманы) сочиняют рассказы, повести... Опасность даже не в том, что нас, обывателей, или, скажем так, обычных *носителей русского языка*, вдруг заставят переучиваться, усваивать забытые правила, привыкать к вышедшим из употребления буквам, писать и печатать по-иному привычные слова, угроза в другом: если к власти приходят личности с радикальными взглядами и желанием кардинально изменить порядок вещей (будь они по названию большевиками, меньшевиками, коммунистами или нацистами, белыми, красными или коричневыми), философски-филологические исследования и выводы, проникнутые тем духом, который присутствует в работе Ильина, служат им подспорьем, подсказкой и даже вроде как научным обоснованием при выявлении противников, которых они, сознавая своими врагами, окрестят, конечно же, *врагами национальной России*. Они возжелают устроить проверку населения на *лояльность*, и чем арестовывать, держать в застенках, допрашивать, выбивать показания, вот им готовый простой лингвистический метод: поставить на речных переправах (по возможности также на мостах, на въездах и выездах из каждого города, на вокзалах и хоть на каждом перекрёстке) своих стражей из красной, белой или коричневой гвардии, и пусть те требуют от проходящих, приезжающих или отъезжающих произнести всего лишь одно слово, какой-нибудь современный *шибболет*, и кто *неправильно* произносит, тех надлежит доставлять, куда следует, и поступать с ними, как положено. В давние времена, если верить Ветхому завету, тех, кто проверку не проходил, без проволочек убивали:

«И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: *позвольте мне переправиться*, то жители Галаадские говорили ему: *не Ефремлянин ли ты?* Он говорил: *нет*. Они говорили ему *скажи: шибболет*, а он говорил: *сибболет*, и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, заколали у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи» (Книга Судей, 12:5-6).

Простой и действенный способ, согласитесь, по произношению одной буквы, по одному звуку определяющий, кто наш, кто не наш, кто друг, кто враг.

Выявить врагов режима... то есть *врагов национальной России* с помощью *фонетики*, по произношению, как мне кажется, сложно, ибо трудно найти звук, не всеми у нас выговариваемый, точнее, звук, по которому можно определить представителей не *нашей* идеологии. А вот орфография такую возможность даёт! Каждого гражданина просят написать то или иное слово, школьникам устраивают ещё один государственный экзамен; и, если человек не зазубрил, что сегодня велено, например, писать *Россия*, а не *Россия* (или наоборот), или слово *бог* не со строчной буквы, а с прописной в начале и с *ером* в конце: *Богъ* (или наоборот), — главное: если *носитель русского языка* замешкался и не перестроился верноподданно на орфографические правила новой диктатуры, отменившей правила предыдущего режима, то будет сразу видно, кто у нас чем дышит, какие у кого помыслы и умонастроения, и кому с нами *не по пути*.

2

Статья «О русском правописании» была написана, как я понял, не найдя более точного указания, *за год до смерти автора*, то есть в 1953 году; она выдаёт сильное раздражение Ильина, и, получается, что он пребывал в чрезмерном возбуждении по поводу *написания слов* более трёх десятилетий — в отличие он народа, скажу лучше, в отличие от миллионов русских обывателей, обычных носителей русского языка, которые за советский период забыли и перестали думать о дореволюционной орфографии, приучившись к новой (каждый, конечно, в разной степени, в силу своих умственных способностей). Ильин, как и любой человек, долгое время пребывающий в негодовании и чрезмерно возбуждённый, склонен привлекать бездоказательные доводы, непроверенные факты, выдвигать или ссылаться на сомнительные теории, он сбивается на восклицания и лозунги, страстно желая уже не доказать что-то оппонентам, а просто победить их в споре, переговорить, унижить, раздавить — в переносном, а желательно и в прямом смысле. А вопрос, повторяю, всего-то о начертании букв и слов, вопрос о передаче сведений, в основном обыденных, приземлённых, бытовых, с помощью имеющих смысл предложений. Правописание устанавливается не свыше (не верховным божеством, я имею в виду), а по людской договорённости, по общему решению... Хотя, кто именно договаривался и решал, кто кого спрашивал или с кем советовался? — в этом мы сейчас не будем разбираться. В какое-то время *по правилам* писали *шопот*, *чорт*, потом решили, что правильнее будет *шёпот* и *чёрт*; главное, что при всех языковых реформах или частичных изменениях орфографии власти, даже самые крутые и сумасбродные, и их советники от филологии, пусть даже с самыми удивительными, мягко выражаясь, взглядами на язык, вроде адмирала А. С. Шишкова, о котором я недавно прочитал, что он *невиданно двинул вперёд науку о русском языке*, или вроде академика Н. Я. Марра, придумавшего *новое учение об языке*, даже они не требовали крайностей, чтобы мы писали, скажем, задом наперёд или выводили буквы вверх ногами; по крайней мере, я о таких случаях не знаю, так что, по большому счёту, стоит ли впадать в экзальтацию и неистово бороться за безусловное сохранение *шопота* или за безоговорочное введение *шёпота*? Были бы дельные мысли в голове, и были бы разумные деяния, а писать *шопот* или *шёпот* — один чёрт!

Напомню, что во времена, не такие уж давние, азбуки и письменности на Руси, в отличие, скажем, от Греции, Франции, Англии или Китая (согласимся считать иероглифы азбукой), вообще не имелось. Жили наши предки без *правописания* (и даже без *православия*), и не пребывали из-за этого в перманентном озлоблении и повседневной подавленности: они работали, семью заводили, детей рожали, то собирали, то разбрасывали камни, кто-то строил, кто-то разрушал, кого-то любили, кого-то ненавидели, в свободное время они пели песни и танцевали, при этом часть населения, как и сегодня, выражала свои мысли с грехом пополам и густо сдабривала свою речь нецензурной бранью.

3

Когда-то известную придорожную траву называли *поддорожником*, теперь мы пишем *подорожник*. По «Словарю церковнославянского и русского языка» (1847) правильным считалось написание *баласть*, *балотировать(ся)*, сегодня нам предписывают удваивать согласную: *балласт*, *баллотироваться* (с ударением на другой слог). В указанном словаре мы видим: *коммисар*, *коммиссия*, что не совпадает с современными *комиссар* и *комиссия*. Ещё раз спрошу: стоит ли раздражаться из-за такого или какого иного написания?

Орфография никогда не была и никогда не будет совершенной; в русском языке она не соответствует точно и, полагаю, никогда не соответствовала в точности произношению. Ильин был противник большевистской революции — это вопрос политический, и он, ярый противник коммунизма, мог обвинять советскую власть в действиях, которые, с его точки зрения, являлись злодеяниями; в конце концов, во время Гражданской войны он мог бы с оружием в руках отстаивать монархическое правление и прежний порядок вещей. Темой его статьи указано русское правописание; по страстному, обличительному тону статьи, по утверждениям о врагах *национальной России* можно подумать, что автор считает языковую реформу 1918 года чуть ли не главным злодеянием большевизма. Желание уязвить политических противников застилает глаза и не позволяет автору рассуждать логически: язык меняется, приходит время избавиться от чего-то сильно устаревшего, новым поколениям мало или совсем непонятного, а если что-то *архаичное* сохранять, то желательны разумные обоснования. Нет, Ильин отмечает реформу 1918 года в целом — как антинародное деяние, осуществлённое врагами и нужное только врагам *национальной России*, только им!

Слыша запальчивые высказывания автора, самому бы не сбиться на раздражённое неприятие и восклицания, цель которых только в том, чтобы осадить разгорячившегося докладчика: а вы, батенька, несёте какую-то ахинею!

4

Короткое отступление, почти лирическое, ибо при упоминании *шибболета* невольно вспоминаются строки А. С. Пушкина:

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже опередил.

Пушкин считал, что подлинно русского человека можно узнать по слову *авось* (как ефремлян распознавали по выговору *сибболет*). Английский поэт Байрон утверждал, что англичан отличают, прежде всего, по восклицанию *god damn* — в котором используется *god* (бог), но всё выражение мы переводим на русский всё-таки с помощью *чёрта*, как *чёрт побери*. В поэме «Дон Жуан» это *god damn* выставляется, в

шутливым тоне, английским *шибболетом*; главный герой, испанец, прибыв из России в Британию, не понимал ни слова по-английски, но это ругательство было ему знакомо.

Juan, who did not understand a word of English,
Save their shibboleth *god damn!*

Пушкин даже оду готов был написать в честь словечка *авось*... А кто, какой *стихоплёт* его опередил? Не знаю, я не нашёл объяснения. Неважно, у нас идёт разговор об орфографии, и давайте поставим себя на место строгой учительницы русского языка, или проверяющего из министерства образования... Или просто, без строгости, надзора и надрыва, спросим самих себя: А. С. Пушкин написал *Шиболет*, не следует ли переправить во всех современных изданиях на *шибболет*? В Ветхом Завете, точнее, в том русском переводе, который известен как Синодальный, печатают: Галаадитяне, Ефремляне, Евреи, Египтяне — как это соотносится с нынешними правилами написания? Может, внести изменения в Синодальный перевод, заменить в указанных примерах и подобных случаях прописные буквы на строчные, или же, по примеру Синодального перевода, ввести в *гражданских* изданиях написание: Русские, Англичане, Немцы, Итальянцы... Чтобы подогнать под единое правило!

Поскольку в поле зрения попал английский язык, тоже есть повод для вопросов и раздумий; например, в канонической англиканской Библии (The Authorized Version) в истории с *фонетической проверкой* на переправах через реку Иордан существительное *Shibboleth* напечатано с прописной буквы — в отличие от русского Синодального перевода, где *шибболет*; у кого правильнее, у русских или англичан, или скажем так, у православных или у английских протестантов?

«And the Gileadites took the passages of Jordan before the Ephraimites: and it was *so*, that when those Ephraimites which were escaped said, Let me go over; that the men of Gilead said unto him, *Art* thou an Ephraimite? If he said, Nay; Then said they unto him, Say now Shibboleth: and he said Sibboleth: for he could not frame to pronounce *it* right. Then they took him, and slew him at the passages of Jordan: and there fell at that time of the Ephraimites forty and two thousand» (Judges 12:5-6).

Названия племён, как мы видим, начинались в 17-м веке с прописной буквы; собственно, это правило действует и в современном английском для всех народностей, не только библейских: the English (англичане), the Russians (русские), the Americans (американцы)... Цитату из байроновского «Дон Жуана» я намеренно привёл по литературоведческим исследованиям советского периода: по-русски тогда полагалось писать *бог*, и автоматически переводчик, редактор, издатель и литературоведы при работе с означенным произведением применяли *советское* правило, тогда как у Байрона в английском оригинале *God*.

Juan, who did not understand a word
Of English, save their shibboleth, “God damn!”
And even that he had so rarely heard,
He sometimes thought 't was only their “Salam”,
Or “God be with you”! <...>

Примеры, мной приведённые, показывают, надеюсь, убедительно, что, когда кто-то заводит чрезмерно возбуждённый, а то и истерический и, главное, *принципиальный* диспут о *правильном* правописании (или о *проблемах*, а то и о *трагедии* русского языка), имеет смысл уточнить у *заводилы*, по какому мерилу, или, скажем так, по каким критериям, он определяет правильность, какие печатные (или письменные) источники берёт за *абсолютный* авторитет.

Если кто-то, вроде Ильина, ратует за возврат к дореволюционной орфографии, уместен вопрос: какими историческими границами следует пользоваться? Ограничиться правилами правописания, которые утвердились во второй половине 19-го века? В конце 19-го века, когда Ильин учился в гимназии? Нет, видимо, нам предлагают брать шире, охватывать несколько столетий; Ильин, среди прочего, напоминает о *борьбе за букву ять*, которая «ведется в России уже более 300 лет. Мы будем продолжать эту борьбу...»

Нас подбивают продлить трёхсотлетнюю борьбу, увязнуть в ней и растянуть её... Ещё на пару столетий? До победного конца? В моё время, как при наших отцах и дедах требовалось бороться за *полную победу коммунизма* в Советском Союзе, отдать все силы построению коммунистического общества; всё нас запрягают за что-либо или против чего-либо биться... В непримиримой борьбе *до полной победы* кто-то гибнет, кого-то она калечит; значительное количество русских людей, пострадав или устав от непрекращающихся сражений, — то борьба с буржуазным бытом, то с космополитизмом, то ещё с чем-нибудь, и к этому присовокуплялись ежегодные битвы за урожай — покинуло Россию, и, полагаю, что, даже если уехавшие не забывают русскую речь, они не вернутся обратно, и настоящая трагедия в этом, а не в том, что часть населения говорит коряво, не знает грамматических правил и делает ошибки на письме.

5

Однажды собеседник, человек верующий, православный, читавший, кстати, статью Ильина «О русском правописании» и похвально о ней отозвавшийся, сказал мне, что в церквях служба должна быть на церковнославянском языке, без уступок современному русскому, и богомольцев хорошо бы *подтянуть* до уровня священнослужителей, чтобы и они знали церковнославянский. Я усомнился в осуществимости сего прожекта: священнослужителям, в большинстве своём простым смертным не семи пядей во лбу, придётся что-то заучивать, не вникая в смысл, и паства, состоящая не обязательно из университетских русистов, вряд ли много поймёт. В ответ я услышал, что церковнославянский язык не такой уж трудный! И что в статье Ильина всё правильно, ибо высказывается и поучает человек православный, защищающий *православное правописание*. По ходу дела приверженец *единственно верной* религии и почитатель Ильина объяснил мне превосходство православия над другими вероисповеданиями, предложив вслушаться в само слово: *право-славие*, то есть *правильное восхваление* Бога. Я в своё время с избытком наслушался этого, только вместо бога фигурировали Карл Маркс и Владимир Ульянов-Ленин, единственно

верным учением считался марксизм-ленинизм, самой правильной философией — марксистско-ленинская, и: «учение Маркса всеильно, потому что оно верно!»

Кстати, в церковнославянской Библии *шибболет* не обнаруживается. Вместо него *проверочным паролем* значится слово *колос*. Выше я собирался привести историю об истреблении сорока двух тысяч ефремлян по Синодальному переводу, как он был напечатан в 1876 году, но мне не удалось найти ни одного издания с соблюдением дореволюционной орфографии; проповедники и издатели наших дней не очень стремятся к *возстановленію русскаго національнаго правописанія*, за которое с такой страстью агитировал И. А. Ильин. Мне придётся обойтись в своей статье и без точной цитаты из Елизаветинской Библии, ибо мне не удастся воспроизвести подлинную кириллицу, поэтому возьму на себя смелость передать своими словами, как галаадитяне, используя простой фонетический метод, выявляли национальных врагов России... простите, своих тогдашних недругов ефремлян: мужи галаадские спрашивали у желающих пройти: вы не от ефрема? Те отвечали: нет. Им велели: рцйте, *класъ*, то есть скажите *колос*. У ефремлян не получалось сказать так, поэтому их брали и закалывали... Закономерно недоумение читателя, если у него, конечно, на глазах нет *религиозных шор*: в чём смысл сей истории? Люди из колена ефремова не выговаривали сразу несколько букв, или, будучи малограмотными, не знали слова *колос*, или... Нет, здесь *проблема перевода*: слово *шибболет* значило *колос*, поэтому на церковнославянский *колосом* его и перевели, в связи с чем утратилось объяснение: ефремлян узнавали по произношению, у них вместо *ш* звучало *с*, за что их и убивали... то есть за то, что они из иного колена, *чужие*.

Я, честно говоря, не понял: Ильин, говоря о *восстановлении национального правописания*, предлагал вернуться к кириллице, к наследию Кирилла (и Мефодия)? Или он ограничивал свою *борьбу* возвратом только к *ятям* и *ерам*? А как быть со смыслом? На мой взгляд, смысл важнее орфографии. Если упереться и *бороться* за написание, а не за смысл, то зачитанную историю из Книги Судей следует оставить в том виде, в каком она излагалась в более давней, в *исконно русской* церковнославянской Библии. Переделаем *шибболет* обратно в *колос*, да и Синодальный перевод, в целом, задвинем в *особое хранение*, и строго запретим посягать на Священное Писание в его церковнославянском написании!

Кстати, в старославянском, как и в церковнославянском (как и в классической латыни) не было прописных, или, по-простому, заглавных букв. Одним шрифтом, соразмерно с остальными существительными (и прочими частями речи) выводилось от руки и печаталось: *бог, священный, писание, господь, русь*... Не имелось в те времена *орфографического* средства для выявления неверующих, иноверцев, язычников, еретиков и национальных врагов. А теперь, при наличии прописных букв, — имеется.

6

Рассуждая о строении вселенной, необходимо учитывать, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Приступая к математическим вычислениям, не обойтись без *азбучных понятий* — то есть выучи, прежде всего, таблицу умножения. Перед тем, как рассуждать о языке, полезно различать хотя бы части речи и знать, на какие

составляющие распадается, или, если хотите, из каких составляющих строится слово: корень, приставка... Ильин пишет:

«Грамматика <...> различает звуки (гласные и согласные), слоги и слова, а в словах корни и их приращенія (префиксы — впереди корня, аффиксы и суффиксы — позади корня)».

Префикс, она же приставка, действительно, — впереди корня, суффикс — позади, но аффикс — это общее название всех *приращений* к корню. Аффиксы включают в себя префиксы и суффиксы.

Или я ошибаюсь? Не по поводу аффиксов и суффиксов, а в вопросе о том, какие первичные знания необходимы для разумных суждений, да и вообще, обязан ли человек усвоить некие *азбучные истины* перед тем как отважиться на *философские* рассуждения о том или ином предмете. Мы не отказываем древним мудрецам в звании философа, хотя они не были знакомы с *гелиоцентрической системой мира*, хотя они только догадывались об *атомистическом строении вещества* и, что в наши дни имеет чуть ли не первостепенную роль, у них не было дипломов государственного образца, удостоверяющих получение специальности *философ* (или, скажем, *филолог*). Математику я, пожалуй, зря сюда подверстал: незачем брать для сравнения точную науку, когда идёт речь о правописании, где чуть ли не на каждое правило имеются исключения, и вообще о языке. Подумав, я готов признать, что для участия в *лингвистических дискуссиях* не обязательно понимать разницу между глаголом и существительным; каждый член общества имеет право присоединиться к обсуждению и высказать своё просвещённое или непросвещённое мнение, вплоть до личностей неграмотных: не умея читать и писать, они обладают всё же даром речи, и у них бывают свои соображения насчёт того, когда, как и где возник язык, какие языки лучше, какие хуже, и как надо иностранному языку учить в школе... По крайней мере, мы видим, что и в прошлом, и на наших глазах представители всех сословий, включая кухарок и членов верховной власти, обсуждают *проблемы сохранения и развития русского языка*, высказывают мнения и дают советы, например, как избавиться от иностранных заимствований, негодуют, что часть населения пользуется нецензурной бранью; и в школе проводятся мероприятия, *посвящённые чистоте русской речи*... Мнение людей, не отличающих суффикса от префикса, может содержать что-либо дельное; по крайней мере, обычные обыватели или представители других занятий и профессий высказываются обычно куда проще и понятнее, чем дипломированные филологи, подтверждающие свою *квалификацию* мудрёными тирадами. Я не иронизирую. Николай Карамзин и Владимир Даль, не будучи филологами по образованию, оказали определённое влияние... Повлиять на язык одному человеку или группе людей невозможно, поэтому лучше выразиться так: Карамзин и Даль внесли определённый вклад в русский язык, небольшой, но внимания достойный. На какое-то существенное воздействие, на привнесение значительных перемен в языке, тем более кардинальных, — на это, повторяю, ни отдельно взятая личность, ни группа людей, пусть самых сведущих и образованных, не способны.

Ильин придерживается иного мнения, считая, что даже возникновение языка — результат обдуманной, направленной человеческой деятельности: «Дивное орудіе создалъ себѣ русскій народъ, — орудіе мысли, орудіе душевнаго и духовнаго выраженія, орудіе устнаго и письменнаго общенія, орудіе литературы, поэзіи и театра, орудіе права и государственности, — нашъ чудесный, могучій и глубокомысленный русскій языкъ. Всякій иноземный языкъ будетъ имъ уловленъ и на немъ выраженъ; а его уловить и выразить не сможетъ ни одинъ. Онъ выразить точно — и легчайшее, и глубочайшее; и обыденную вещь, и религіозное пареніе; и безысходное уныніе, и беззавѣтное веселье; и лаконическій чеканъ, и зримую деталь, и неизреченную музыку; и ѳдкій юморъ, и нѣжную лирическую мечту. Вотъ что о немъ писалъ Гоголь...»

Когда Ильин утверждает, что *сквернословіе легче красноречія*, с ним нельзя не согласиться. Но то, что народ *создал* себе язык — рассуждение дилетантское. По древним наивным представлениям язык был даром богов — даже такое сказочное объяснение куда разумнее. Язык развивался самостоятельно из животных звуков, которые издавал первобытный человек; прочитав красочную сентенцию Ильина, мы вспоминаем цветные картинки к русским сказкам или былинам, к ним напрашивается в дополнение ещё одна иллюстрация: некое вече из благообразных русоволосых русичей во главе с *князем ясным-солнышком* и в присутствии какого-нибудь *вещего Бояна* принимает решение *создать себе дивное орудіе*. То, что русский язык способен *уловить*, то есть выразить точно в переводе трудности любой иностранной речи, оставаясь *невыразимым* на иных наречиях, — такое может вырваться в полемическом запале из уст человека несведущего, а Ильин, как я понимаю, учился в классической гимназии, закончил университет, знал иностранные языки; он действительно считает, что русский язык самый *глубокомысленный*? Поскольку Ильина рекомендуют нам как *философа*, мы ждём от него глубоких и взвешенных суждений, а не патетических восклицаний.

По поводу того, что никаким иноземным языкам не по силам *уловить и выразить* русский язык, — нечто похожее где-то у Н. В. Гоголя звучало; но не будем выискивать и повторять *всего*, что говорил замечательный литератор Гоголь по поводу русской речи, остановимся на том высказывании, которое повторяет *значительно* Ильин: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное названье ещё драгоценней самой вещи». Вырванное из контекста, это изречение гуляет по школьным сочинениям, его вставляют в педагогические рекомендации по проведению уроков русского языка... Но если *мыслитель* берётся рассуждать философски о языке, он не может не учитывать, что сии слова прозвучали в произведении, наполненном местами туманными, местами весьма спорными суждениями, а то и такими высказываниями, которые, если и не свидетельствуют о *помутнении ума* у пишущего, то приводят в недоумение здравомыслящего человека. В своих «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847 год) Н. В. Гоголь весьма похвально отзывается о посредственном произведении Н. М. Языкова: «Твоё стихотворенье «Землетрясенье» меня восхитило. Жуковский также был от него в восторге. Это, по его мнению, лучшее не только из твоих, но даже

из всех русских стихотворений. Взять событие из минувшего и обратить его к настоящему — какая умная и богатая мысль! <...> Друг! перед тобой разверзается живоносный источник. В словах твоих поэту:

И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины! —

заключаются слова тебе самому. <...> Нет, отыщи в минувшем событии подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его в виду всех, как поражено было оно гневом Божиим в своё время; бей в прошедшем настоящее, и в двойную силу облечётся твоё слово: живеи через то выступит прошедшее и криком закричит настоящее. Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдёшь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображён над ним совершившийся Страшный Суд Божий, что вострепещётся настоящее. У тебя есть на то орудья и средства».

К этим витиеватым поповским рассуждениям и подвёрстывается про *дивную драгоценность* русского языка: Гоголю попала в руки книга «Царские выходы»: «Казалось, что бы могло быть её скучней, но и тут уже одни слова и названья царских убранств, дорогих тканей и камней — сущие сокровища для поэта; всякое слово так и ложится в стих. Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное названье ещё драгоценней самой вещи. Да если только уберёшь такими словами стих свой — целиком унесёшь читателя в минувшее. Мне, после прочтенья трёх страниц из этой книги, так и виделся везде царь старинных, прежних времён, благоговейно идущий к вечерне в старинном царском своём убранстве...»

Кому-то нравится разглядывать цветные картинки или камешки, кого-то завораживает звучание редких, не совсем понятных слов, мы слушаем с удовольствием мелодичную песню на чужом языке, не представляя, о чём в ней, собственно, поётся... Кому-то интересны рассуждения Гоголя в «Выбранных местах», кому-то неинтересны; не всем, я уверен, они понятны, но очередное поколение школьников вставляет в свои сочинения о значении родной речи гоголевскую цитату со *словесными жемчугами* не по собственным соображениям, а по требованию учителей и по подсказке составителей учебника. Пусть школяры зубрят, переписывают и списывают, такова судьба всех школяров во все времена, но от Ильина мы ждали философии, а он приводит нам в виде *аргумента* затасканные и, главное, неубедительные речения русских сочинителей. За Гоголем, что ожидаемо и предсказуемо, следует И. С. Тургенев со своими *старческими* (ибо из сборника «Senilia») и очень личными размышлениями:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Ильин, цитируя означенное *стихотворение в прозе*, выпустил целое предложение — второе, про отчаяние, которое овладевало Тургеневым при виде всего, *что совершается дома*: сия фраза как-то перебивает плавный поток прославления, без

неё хвала звучит более выпукло и звонче... *Великий и могучий* — понятия субъективные; какой-нибудь папуасский литератор может воскликнуть то же самое о своём папуасском языке, который был ему *поддержкой* на протяжении жизни. Что касается правдивости... Правдивым, более или менее, бывает какой-либо представитель рода человеческого, правдивые (или ложные) показания дают свидетели в суде; о правдивости и свободе уместно рассуждать применительно к людям, но не к человеческому языку.

8

После восклицаний, ничего не доказывающих, Ильин приступает вроде как к серьёзному рассмотрению вопроса, начиная даже с физиологии: «Язык есть прежде всего живой истокъ звуковъ, издаваемыхъ гортанью, ртомъ и носомъ, и слышимыхъ ухомъ. Обозначимъ этотъ звуковой — слуховой составъ языка словомъ *фонема*...» Похоже, Ильин имеет в виду то, что все называют *фонетикой*; обсуждением этого вопроса мы заниматься здесь не будем по той простой причине, что представители одной фонетической, или, если хотите, фонологической, школы будут рассказывать нам про фонему одно, а представители другой школы что-нибудь иное; а вот следующее утверждение Ильина, взявшего *научный тон*, просто не соответствует действительности: «Эти звуки <...> членораздѣльны: иногда, какъ въ русскомъ, итальянскомъ и французскомъ языкѣ, отчетливы и чеканны, иногда, какъ въ английскомъ языкѣ неотчетливы, но слитны и расплывчаты». Сразу требуется уточнить: автор имеет в виду все звуки, как гласные, так и согласные? Гласные произносятся в русском по-разному под ударением и без ударения, нельзя говорить об их *отчётливости* в любом положении, здесь на память сразу приходит пример с *коровой*, где гласная буква произносятся чётко (но не *чеканно*) только под ударением. В английском все звуки *слитны, расплывчаты, неотчётливы* — это как понимать? И, обнаружив невежество пишущего в вопросах произношения — на самых дальних подступах к смысловому анализу языка и философскому его осмыслению, мы прекращаем ловить блох в первичных филологических утверждениях Ильина и сразу переходим к букве *ять*, особенно дорогой его сердцу.

9

Ильин утверждает, что отказ от буквы *ять* привёл к тому, что «пострадала и страдает вся русская культура». Наша культура иногда видится мне какой-то вечной страдальницей... Но не будем отвлекаться, продолжим следить за мыслью автора, который строит логическую цепочку, несколько схожую с той, что присутствует в английском народном стихе о гвозде, потеря которого привела к потере подковы: «For want of a nail the shoe was lost» — и, в конечном итоге, к потере королевства: «The kingdom was lost»; но, на мой взгляд, Ильин сильно сгущает краски, называя *опустошающим смерчем* не социальные потрясения, не Революцию, например, или Гражданскую войну, а *бессмыслицу*, якобы возникшую из-за утраты одной буквы: «Новая орфография отмѣнила букву *ть* и бессмыслица пронеслась по русскому языку и

по русской литературѣ опустошающимъ смерчемъ». Мы слышим призыв *продолжить борьбу* за означенную букву — борьбу, которая, по утверждению автора, велась в России *более трёх сотен лет*.

Триста лет — большой отрезок времени, язык за такой период достаточно сильно изменяется... Ильин, в качестве доказательства, приводит пример, который, как мне кажется, доказывает обратное: ещё за триста лет до Ильина с его желанием биться за архаичную *ять* существовали предпосылки, если не веские причины, для полной её отмены. Автор сообщает:

«Въ 1648 году, въ Москвѣ, съ благословенія церковной власти была издана грамматика, гдѣ въ предисловіи доказывалось, что «необходимо напередъ самимъ учителямъ различать *ять* съ *естемъ* и не писать одного вмѣсто другого», что «грамматическое любомудріе смыслу сердець нашихъ просвѣтительно» и безъ него «кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть», что грамматика есть «руководитель неблазненъ во всякое благочестіе, вождь ко благовидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію, блаженныя и всечестнѣйшія философіи открытіе и всеродное проразумѣніе».

Автор благоговейно воспроизводит в старой орфографии устаревшие слова, ему, видимо, с первого прочтения совершенно понятные, с особым удовольствием напирая на благословении церковной власти, пекущейся о правильности нашей письменности, но лично я узрел другое: в середине 17-го века даже не все *учителя* различали *ять* с *естем*, даже они писали *одно вмѣсто другого*. Учителя, скорее всего, уважали *грамматическое любомудріе* и верили, что грамматика ведёт к *благочестию*, но им трудно было запомнить, в каких случаях употребляется первая из этих букв, в каких случаях вторая. Почему? Потому что не было правила, которое можно было применить для различения этих букв. Оставалось, не побоюсь этого слова, зазубривать!

В более позднем лексиконе, а именно в «Словаре Академии Российской», мы находим показательные примеры; следующие слова писались с *ятем*: вѣкъ (столетие), вѣдѣти (знать, ведать), вѣжество (мудрость), вѣнецъ (корона), вѣникъ, вѣра, вѣрность, изувѣръ, вѣхъ, вѣшать... Можно предположить дилетантски, что все перечисленные примеры древнего, исконно славянского происхождения, в них сохраняется буква, которая когда-то произносилась не так, как *простое е*. Но в следующем ряду, выписанных из того же словаря, присутствуют не менее древние основы: глагол *вести* (с примерами: Вести слѣпаго, вести лошадь подъ узцы; вести дѣло, щеть, приходъ и росходъ; вести быка на веревкѣ), веря (столб для ворот), верига, верста, верстать (сравнивать кого-либо с кем-либо), вертепъ, верть (огород, сад), вертоградъ (огороженный сад), верхъ, вретище...

Ради *благочестия* и *всеродного проразумения* (что бы это ни значило) вернёмся и будем *по старинке* писать *щеть* вместо *счѣт*, *слепаго* вместо *слепого*? И заставим всех поголовно зубрить: *вѣра* пишется не так, как *верста*...

Если призвать очень знающего лингвиста, очень начитанного и не подверженного слепому *благочестию*, он сможет объяснить, отчасти, происхождение буквы *ять* и проследить её развитие. Но вот М. В. Ломоносов, известный авторитет в области русского языка, честно признавался, что он не берётся сформулировать общее правило по употреблению *яти*. В 1755 году в своей «Российской грамматике» он

отмечал «затрудненіе въ употребленіи буквъ Е и Ъ»: «Нѣкоторыя правила предписать можно, по которымъ во многихъ мѣстахъ Ъ узнать нетрудно, напримѣръ: во всѣхъ дательныхъ падежахъ единственнаго числа перваго склоненія...»

Все примеры по употреблению *яти* из данного «Наставления» я выписывать не стал, ибо в наше время их не так просто осмыслить, приведу сразу окончание: «Однако въ складахъ (словахъ), перемѣнамъ неподверженныхъ, никакихъ правилъ показать нельзя: пѣна, сѣно, дѣвственникъ, бесѣда, тѣлесный, и многочисленныя симъ подобныя, требуютъ къ различенію буквъ Е и Ъ твердаго учения грамматъ и прилѣжнаго книгъ чтенія».

Самое трудное — постичь, почему в корне определённого слова (а не в окончании) используется первая или вторая из этих букв; Ломоносов как раз и ставит нас в известность: по поводу тех частей слова, которые *переменам не подвержены*, чёткого объяснения нет, *никаких правил показать нельзя*. Что остаётся? Я, не видя особой необходимости для широких (да и для узких) слоёв населения вникать в грамматику родного языка, чуть было снова не выразился: остаётся *зубрить*. Ломоносов вряд ли одобрял зубрёжку, он, веривший в пользу грамматики, советовал: твёрдо учитеесь грамоте, прилежно читайте книги (запоминая, в каких словах печатаются какие буквы).

10

Ильин запальчиво настаивает, называя реформу 1918 года *упрощением*, что «Идея эта сразу противонациональная и противокультурная. <...> Сложность прежняго правописанія глубоко обоснована, она выросла естественно, она полна предметнаго смысла. Упрощать ее можно только отъ духовной слѣпоты; это значить демагогически попирать и разрушать русскій языкъ, это вѣковое культурное достояніе Россіи. <...> Кривописаніе не легче, и не проще, а бессмысленнѣе».

На этом мы и расходимся: автор не считает старое написание *мёртвой ненужностью*, он уверен, что переход на *кривописание* ведёт, привёл к утрате духовности, к ухудшению нравственности. Я остаюсь при своём мнении: нравственность и духовность (как и любовь к родине) от правописания не зависят, и Ильин, на мой взгляд, ничем не отличается от тех *разгорячившихся патриотов*, которые считают, что духовности и патриотизма прибавится только в том случае, если о них говорить многословно, напористо и часто, желательно каждый день и подолгу, лучше под надзором кадровых духовных, педагогических или правоохранительных работников.

Я не думаю также, что дотошное, детализированное изучение грамматики (включая орфографию) необходимо, и я совсем не верю, что знание грамматических правил и определений ведёт к *благочестию* (или способствует патриотическому воспитанию). По крайней мере, я не наблюдал таких случаев, чтобы сведения по лингвистике помогли человеку жить, избавляли от неприятностей (включая бытовые, семейные, денежные), одухотворяли или хотя бы содействовали лучшему выполнению своих профессиональных обязанностей, будь то прочистка канализации или освоение космоса. Общество нуждается в строителях, врачах, учителях, продавцах, водителях,

программистах, инженерах, уборщиках, которым никогда не понадобится, не пригодится определение морфемы (и в чём её отличие от морфа — чего не знал ни Ломоносов, ни остальные языковеды от сотворения мира до того момента, когда в 20-м веке были введены в обращение эти понятия, смахивающие на *чистейшие фикции*). А прежде всего обществу нужны пахари и хлеборобы, животноводы и садоводы, ибо без их труда общество прекратит существование своё. Ильин витийствовал: «Мычать коровой гораздо легче, чем писать стихи Пушкина или произносить речи Цицерона». Нельзя не согласиться с этим. Только что из этого вытекает? Видимо, то, что обществу, государству и правительству надобно бросить остальные дела и, приложив титанические усилия, добиться от каждого в России, чтобы он наизусть знал (пусть хоть через непрерывную зубрёжку) все грамматические правила, чтобы он писал без единой ошибки, по дореволюционному, для вящего *благочестия* и *всеродного проразумения*, правописанию; чтобы, отдав все силы (и израсходовав все бюджетные деньги) на *борьбу* за родной русский язык, сделать поголовно каждого в нашей стране Пушкиным или Цицероном. Пахать-то и выращивать хлеб кто будет?

Литература

- Ильин И. А.* Наши задачи. Т. 2. Париж, 1956.
Макеева В. Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.-Л., 1961.
Российская грамматика Михайла Ломоносова. Спб, 1755.
Словарь Академии Российской. Часть 1. Спб., 1789.
Словарь церковно-славянского и русского языка. Спб., 1847.

References

- Ilyin I. A. Nashi zadachi [Our goals]. Vol 2. Paris, 1956.
Makeeva V. N. Istoriya sozdaniya Rossiiskoi grammatiki M. V. Lomonosova [The history of creating M. V. Lomonosov's Russian Grammar]. Moscow-Leningrad, 1961.
Rossiiskaya grammatika Mikhaila Lomonosova [Mikhail Lomonosov's Russian Grammar]. St Petersburg, 1755.
Slovar' Akademii Rossiiskoi [The Dictionary of the Russian Academy]. Part 1. St Petersburg, 1789.
Slovar' tserkovnoslav'anskogo i russkogo jazyka [The Dictionary of Church Russian and Russian]. St Petersburg, 1847.